

Додатки

Додаток 1.

Облікова карточка врятованої Дашкевич Раїси Генріховної.
Фонд НІМЗ «Бабин Яр»

Д-23
Ч-19/18

Республиканское общество еврейской культуры
ФОНД «ПАМЯТЬ ЖЕРТВ ФАШИЗМА»

КАРТОЧКА СПАСЕННОГО

Имя Дашкевич Раиса Генриховна
Дата и место рождения 1911 г. гор. Белая Церковь
Национальность еврейка
Образование до войны среднее
Место работы до войны библиотекарь Парк культуры
Кто спасал Бондаренко Иван Иванович, Гаскова Наталья Владимировна, семья из 8 чел.
Где спасали в гор. Киеве, в доме отца моей подруги Гасковой Людмилы Ивановны по ул. Шевченко № 41 кв. 1 Подольский район.
Какой срок годы войны 1941-1943 гг.
Образование среднее
Место работы и должность нет
Состав семьи муж - Зильман Давид Григорьевич
Почтовый адрес и телефон Киев-167, ул. Фрунзенская № 12-б кв. 123
Дата заполнения 13.12.1991 г. 517-21-90

ВОСПОМИНАНИЯ ПЕРИОДА НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ
1941 - 1943 гг.

Я, Дашкевич Раиса Генриховна, 1916 года рождения, не могу рассказать о тех страшных днях фашистской оккупации нашего города Киева - перехватывает дыхание, душат слезы. Решила написать о самом страшном, что довелось испытать мне, чудом оставшейся в живых, видившей весь ужас трагедии тысяч расстрелянных мирных жителей - детей, женщин, стариков в Бабьем Яру.

48 лет я ношу эту боль в своем сердце, старалась заглушить её по той причине, что все эти годы жила не по своей фамилии, имени и отчеству, ведь существовала в нашей стране такая обстановка, что никто о таких как я не думал и не интересовался, как же мы могли выжить и выйти из этого ада.

В самом начале войны моего мужа призвали на фронт и я с 3-х летним сынишкой и две мои сестры, мужа которых тоже ушли на фронт, одна - с двумя, вторая с тремя детьми жили на Сталинке, ул.Совская № 12 у мамы и папы, с ними жила еще наша маленькая любимая сестренка 12-ти лет, а брат 1923 г.рождения учился в Василькове в летном военном училище /числится пропавшим без вести/.

Бои уже шли в Голосеевском лесу. Эвакуироваться семье из 12 человек, в которой 6 малышей не было возможности. И вот это страшное число - 29 сентября 1941 года, когда я потеряла всех родных, черной нитью проходит через всю мою жизнь сквозь сердце, как страшный сон. Шествие было страшным - поток из тысяч обреченных на смерть людей двигался к Бабьему яру. Еще теплилась надежда, что будут куда-то отправлять, что не могут расстрелять такую массу людей, но когда приказали раздеваться и подвели нас

к этому яру - нашей могиле, все поняли - это конец. Люди сходили с ума, поднимались волосы, вопли и стоны, невозможно описать. Я как и все матери держала на руках своего сыночка, видно упала потеряв сознание, не помнила уже ничего, много раз приходила в себя, вроде ощущала, что жива, слышала лай собак, ночь, чувствовала холодное тельце своего ребенка подо мной и тяжесть трупов на мне и опять впадала в беспамятство. Сильный озноб и страшная боль в голове и всем теле, заставили меня пошевелиться и я стала выбираться наверх. Моим счастьем было, что не очень крутым оказался с этой стороны яр, цеплялась за кустарники, траву и как-то выползла. Добралась до домика, постучала и на пороге дома увидела старушку, испуганную моим видом, и опять потеряла сознание.

Три страшных дня она прятала меня в погребе, конечно очень рисковала, немцы обходили расположенные вблизи дома и если находили прятавшихся, всех расстреливали. Я металась в агонии, а она добрая моя первая спасительница отпаивала меня травами, смазывала исцарапанное тело, кормила как маленького ребенка. Уговорила, что ты на еврейку не похожа, молодая и жить тебе надо, одела меня и вот через три дня покидаю этот домик, не зная, что предстоит дальше - смерть или жизнь.

Вспоминаю всех друзей и товарищей, а выбрать нужно одного друга, кто бы приютил, не побоялся, везде об"явления висят - кто скрывает жидов будут расстреляны. Долго бродила по своему родному городу, а он был чужим и страшным, боялась постучаться к тем людям, которые еще недавно были друзьями, к некоторым решилась зайти, одни пугались моего вида и на порог боялись пустить, а другие накормили и что-то из одежды дали, ведь надвигалась зима, ночлега не предложил никто.

Оставалась надежда на мою сотрудницу Бондаренко Людмилу Ивановну, с которой подружилась, мы работали вместе на Куреневке в парке культуры и отдыха "Березовая роща". Семья её состояла из 8-ми человек: она с дочерью 15-ти лет, отец - Бондаренко Иван Андреевич, мать, брат - Бондаренко Иван Иванович с женой и двумя малолетними детьми. Проживали все в своем доме на Подоле, Шекавицкой № 41. До войны я бывала в этой семье, знала их доброе отношение к людям, гостеприимство. Очень многие на Подоле люди знали их отца, он еще в 1919-20-х годах спасал у себя в доме еврейские семьи от погромов. У них я и нашла спасение, они приняли меня в свою семью, все вместе переживали эти страшные годы - холод, голод, ходили менять вещички на хлеб и часто, истерев ноги до крови, пройдя 100 километров по глухим селам, возвращались ни с чем, т.к. под Киевом полицаи забирали всё.

Самым страшным были облавы, пряталась в подвале, испытывала ужас, когда думала какому риску подвергаю всю семью. Нужен был документ, что я украинка и такой документ я получила, благодаря брату моей подруги и его товарищу, он появлялся всегда внезапно, они о чем-то говорили, кудато уходили, мы догадывались, что он связан с партизанами, знали только его имя - Жора, а в один из дней в 1942 году немцы его выследили, когда он пришел к матери в дом по Шекавицкому тупику около хлебозавода, он выскочил в окно и тут же был расстрелян.

Приближался 1943-й год, партизаны расклеивали листовки, что близится час освобождения, а немцы свирепствовали, угоняли людей в Германию, расстреливали. Подол объявили запретной зоной и мы ушли в чем стояли на Дорогожицкую, где прятались в подвале. Киев полыхал и взрывался, немцы отступали, а наши души ликовали, дождались мы освобождения 6 ноября 1943 года.

Возвратились на Подолье на Щекавицкую, где с болью в сердце пришлось оставить стариков - они не могли передвигаться и только просили нас - спасайтесь сами и детей спасайте. Как они могли выжить предстать было невозможно, опухшие от голода, мать с гноящейся от вен ногой, у отца рана в животе - полицай ударил штыком, когда выгонял их из дома, пошел выгонять других, а они спрятались в подвале.

Залечивались раны от пережитого в Бабьем яру, молодость возвращала меня к жизни. И давно нет уже моей старшей подруги Бондаренко Люси, её отца и матери, светлая память о них всегда в моем сердце. А самыми близкими мне и родными стали - её дочь Чехова Наталия Владимировна, брат - Бондаренко Иван Иванович и его жена Наталия Остаповна. А ужас прожитого мной в молодости дал знать о себе с возрастом, перенесла за эти годы 6 полостных операций и самую тяжелую в 1984 году, шесть раз под общим наркозом отразилось и на памяти, годы что-то стирают, может что забыла, не все описала, но самое страшное никогда не забудется.

Мои воспоминания - исповедь, тогда в далеком 1941 году, молодой женщины, расстрелянной фашистами 29 сентября вместе с маленьким сыном и всей семьей, до сих пор не понимающей, где взяли силы, как осталась жива выйдя из могилы. Ответ один - люди, их помощь, доброта и сочувствие. И всем этим людям моя безмерная благодарность и низкий поклон.

Спасибо Вам, что прочтете эти строки, спасибо за то, что настало время, когда Вы можете воскресить память о безвинно погибших, память которую храним мы и будут чтить наши потомки, знать историю нашего народа,

Мы, пережившие страшные годы фашистской оккупации, живые свидетели трагедии Бабьего яра, помогли выжить в те годы молодой женщине - Раисе /в настоящее время Дашкевич, в один день потерявшей ребенка и всех родных. Мы поступили так, как поступил бы каждый честный человек. Все, что она вспомнила и описала ужасная правда тех лет, правда незабываемая, горестная, страшная.

Бондаренко Бондаренко Иван Иванович *Бондаренко* 417-18-87

Бондаренко Наталия Остаповна *Бондаренко*
прож. г.Киев-71, ул.Ратманского 48 кв.8.

Чехова Наталия Владимировна *Чехова*
прож. г.Киев-114, ул.Вышгородская,36 кв.53. 430256-47

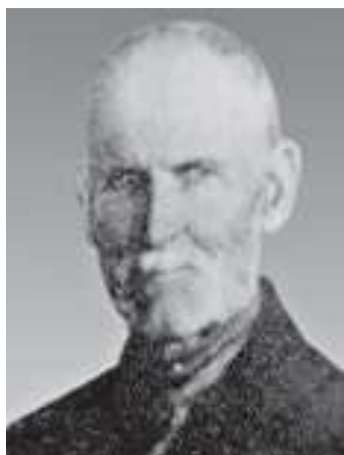
Родина Бондаренків – рятівники Дашкевич Раїси Генріховної (Когут Рахіль Генахівна) під час нацистської окупації м. Києва 1941-1943 рр.

Л. І. Чехова

Н. В. Чехова

І. А. Бондаренко

М. Ф. Бондаренко

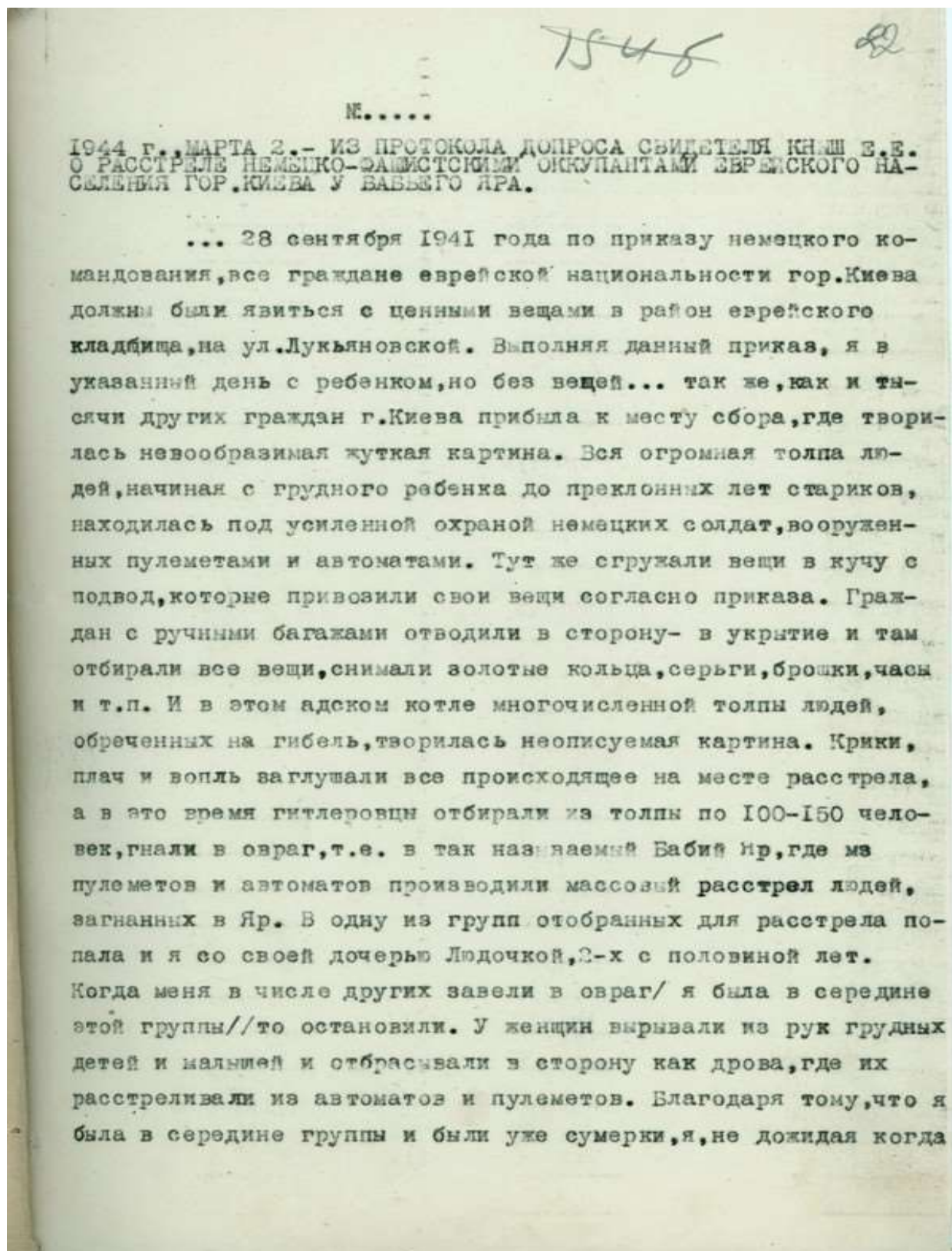

І. І. Бондаренко

А. О. Бондаренко

З протоколу допиту свідка Книш Є. Є. про масовий розстріл нацистами єврейського населення м. Києва, 2 березня 1944 р. З фондів ЦДАВО України, ф. 4620, оп. 3, спр. 281, арк. 22-24

начнут расстрел, упала на землю, положила под себя ребенка, в это время я услышала трескотню пулеметов и люди попадали мертвыми на меня, обливаясь кровью. В таком положении я пролежала часа два, пока все затихло, я осталась жива и сохранила жизнь ребенку, и когда уже совсем стемнело, я осторожно приподнялась и, убедившись, что вблизи никого из охраны не было, взяла ребенка и по трупам стала пробираться куда-либо в укрытие с целью спасения.

С большой осторожностью и риском я с трудом добралась до поселка Бабьего Яра и в одном подвале скрывалась четверо суток, влача при этом совершенно голодное существование. Для того, чтобы не умереть голодной смертью, я по ночам выходила из своего уртия и в мусарных кучах собирала остатки пищи, картофельные очистки и т.п., чем питалась сама и кормила ребенка. Я имела ужасный вид, и показаться среди людей в таком виде - это значило стать привидением, я вся была в крови с головы до ног, в таком же виде была и моя дочь, обмыться было негде, да и об этом ли было думать, у меня все мысли были сосредоточены к одному, остаться живыми. Такое ужасное положение натолкнуло меня на мысль, и я в одну ночь своей нелегальной жизни пошла на преступление, забралась на чердак одного дома, где в тряпье нашла для себя рубку и кофту, а так же для дочери тоже кофту, непомерно большую для ее возраста, теперь я сбросила с себя и дочери кровавое белье и уже мы приняли совершенно другой вид. На 5-е сутки своего страдания я с большим трудом, на рассвете, всякими окольными путями добралась до своей подруги Шелест Федоры, ул. Боричев-ток 19 кв. 3, где прожила 4 дня под замком в отдельной комнате,

24

3.-

затем скрывалась у другой подруги Литашенко Евгении Ефимовны, ул. Протиско-Никольская 3, кв. 12, после чего я без документов под разными предлогами скрывалась в селах Киевской области, один раз была задержана полицией в селе Мало-Половецком, Великополовечанского р-на и посажена вместе с молодыми гражданами, подготовленными для отправки на каторгу в Германию, но они в одну ночь взломали окно в комнате, где сидели, и разбежались, одновременно убежала и я. Таким образом я нелегально скрывалась до прихода частей Красной Армии.

АЧГК, ф. Киевская обл., д. № 235, лл. 103, 104.

З протоколу допиту в КДБ у якості свідка Я. Екеля, який врятувалася від розстрілу у Бабиному Яру ГДА СБУ, ф. 7, оп. 8, д. 1, арк. 231-234.

28 липня 1980 р.

Текст (рос.)

Протокол допроса свидетеля Экеля Якова Петровича, 1923 г. рождения, еврея, гр. СССР, б/п, со средним образованием, зубного техника, проживает в г. Киев, ул. А. Бубнова, дом 5, кв. 35

[...]

По существу вопросов, интересующих следствие, свидетель Экель показал:

В первые дни войны я был мобилизован на строительство оборонительных сооружений и работал под Киевом. 19 сентября 1941 г. рабочая бригада попала в окружение, и я, как житель г. Киева, пришел домой, где были мои отец, мать и бабушка.

Отец до войны работал ездовым в городской конторе гужевого транспорта, и в охране нашего двора находилась лошадь и небольшая повозка. Поскольку моя бабушка была постельной больной, отец решил, что к месту сбора мы все поедем на повозке.

Утром 29 сентября 1941 г. отец, мать и бабушка на повозке, в упряжке которой была одна лошадь, приехали в район Лукьяновского рынка. Примерно к 10 часам утра мы приближались к ул. Пугачева.

Как только идущие переехали ул. Пугачева, их уже брали под конвой гитлеровские автоматчики и обратно по ул. Мельника уже никого не пускали. Нашу повозку повернули обратно, столкнув нас всех на землю. Куда фашисты дели повозку с вещами мне неизвестно, да и в той суматохе этим никто не интересовался. Людей гнали дальше по ул. Мельника и уже здесь начали отнимать сумки и чемоданы с вещами, требовали сдать ценности. С ул. Мельника поток граждан направлялся влево на ул. Дорогожицкую, затем по этой улице к концу территории Лукьяновского и Военного кладбищ, и затем вправо, вдоль урочища Бабий Яр. На этом участке гитлеровцы стояли в два ряда плотно друг к другу и создали как бы живой коридор, по которому сплошным потоком гнали обреченных на смерть граждан.

В той обстановке я остался с отцом, мать и бабушка оказались где-то впереди. Теперь точно не припомню место, но на одном из участков было множество мелких оврагов, вымытых дождевыми ручьями и здесь охранники стояли дальше друг от друга. Воспользовавшись этим, отец столкнул меня в один из оврагов, и сам последовал за мной. По оврагу мы выбрались на кладбище, где дождались глубокой ночи и затем ушли в село на родину отца. Там, через несколько дней отец был задержан гитлеровцами и расстрелян, а я некоторое время скрывался у знакомых, затем в январе 1942 г. перешел линию фронта и был призван в Советскую Армию.

Стенограма спогадів Пронічевої Діни Миронівни про катування та знущання нацистськими окупантами єврейського населення у Бабиному Яру м. Києва. 24 квітня 1946 р ЦДАВО України, ф. 4620, оп. 3, спр. 281, арк. 1-21

1946 г. АПРЕЛЯ 24 - СТЕНОГРАММА ВОСПОМИНАНИЙ
ПРОНИЧЕВОЙ ДИНЫ МИРОНОВНЫ О ЗВЕРСКОМ УНИЧТО-
ЖЕНИИ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В БАБЬЕМ ЯРУ гор. КИЕВА

Родилась в 1911 году 7 января в городе Чернигове. До пяти лет жила в г. Чернигове, а с пяти лет проживала все время в городе Киеве. Национальность - еврейка. Образование незаконченное высшее. Закончила театраль- ный техникум, военную школу связи, поступила в театраль- ный институт, но не закончила.

В 1941 году работала в кукольном театре. Началась война, театр распался. Я пошла работать в отдел связи при штабе 37-ой армии. В связи долго работать не могла из-за домашних обстоятельств и меня перевели в отдель- ный стол старшей машинисткой при штабе 37-ой армии. Впоследствии штаб 37-ой армии помещался по ул. Вороши- лова № 30.

17 сентября 1941 года я пришла на работу в штаб и мне сказали, что мы отступаем. Мой начальник, майор Богданов, сказал мне, что т.к. я имею малых детишек, мо- гу остаться. Таким образом я осталась.

19 сентября 1941 года в город Киев вошли немцы.

20 сентября домой пришел мой муж из окружения. Из Перемышля со своей частью добирался до Фастова, где и попал в окружение и их отпустили.

Настроение, конечно, было паническое: ни пищи, ни во- ды, ни света - ничего не было.

Числа 24-25 сентября по Киеву начались пожары, Был взорван Крещатик, горели улицы Пушкинская, Свердловская

Началась ловля евреев, немцы ходили ночью по квартирам и выискивали евреев. Я жила у свекрови, она была женщиной небожней, у нее висели иконы и, когда пришли немцы, она указала на иконы, т.е. что мы русские и они меня не тронули.

По городу были также слухи, что все эти пожары происходят из-за евреев, которые остались здесь, не эвакуировались. После чего 28 сентября 1941 года появился по всему городу приказ, в котором было написано: "всем жидам взять с собой теплые, ценные вещи и явиться завтра т.е. 29 сентября в восемь часов утра на улицу Дегтяревскую". За неявку - расстрел. Подписан была комендатура.

Мои два брата ушли на фронт. Младшая сестра осталась с больными стариками-родными. Она меня попросила их проводить, т.к. они думали, что это евреев будут куда-то вывозить, т.к. нужно было взять теплые вещи, и я пошла с ними. Дети остались с мужем дома.

В семь часов утра я была у своей матери и в начале восьмого мы направилась в указанное в приказе место. По улицам пройти было невозможно: на подводах, машинах, двуколки везли вещи, - был страшный гул, людей шло очень много: старики, матери с грудными детьми, старухи. Мы шли толпой.

Дойдя почти до ворот еврейского кладбища, там было проволоочное заграждение, стояли противотанковые ежи. У входа стояли немцы и украинцы, пропускавшие за заграждение. Туда войти можно было свободно, а на выход никого не пропускали, кроме подвозчиков.

Я посадила родных у ворот кладбища, а сама пошла посмотреть, что делается впереди. Протяв еврейского кладбища длинный забор, который поворачивает налево, я пошла прямо для того, чтобы посмотреть куда сворачивают люди, зачем они туда идут. Я думала, что там стоит поезд но я увидела, что меховые вещи немцы сразу снимают и забирают, пищу забирали и складывали в одну сторону, одежду — в другую, а люди шли прямо.

Они отбирали большое количество людей, потом останавливали на некоторое время и вновь брали. Когда дошла очередь до меня, я хотела сначала выбраться, но меня не выпустили. Я вернулась к своим старикам, ничего им не сказала, чтобы их не волновать и прошла вместе с ними. У родных отобрали вещи. Пошли прямо, потом направо, тут я потеряла родных, меня от них оттолкнула толпа, они пошли вперед. Мне казалось, что шла мы долго. И вдруг я слышу позади себя голос в толпе старика: — дети мои, помогите пройти, я слепой". Мне стало жаль старика и мы вместе с ним пошли. Я у него спросила: "Дедушке, куда нас ведут". О мне говорят: "Разве, деточка, ты не знаешь, мы идем отдать богу последний долг".

Потом я увидела площадь по обе стороны которой стояли немцы в два ряда. Через одного, двух на руке были накручены ремни или цепи собак. Во всех у них были дубинки резиновые или большие тяжелые палки. И вот мы должны были пройти весь этот коридор, как я его называю, это побоище. Все проходили. Я остановилась

мне было страшно идти вперед. Проходя этот коридор, немцы били людей с двух сторон в обязательном порядке. Если кто-нибудь падал, на него спускали собаку, которая рвала вещи, тело, человек поневоле поднимался и бежал вниз, а там попадал в руки полицейских, которые раздевали людей донага, причем, била ужасно куда попало и чем попало: и руками, и ногами, у некоторых полицейских были на руках кастеты.

Люди на расстрел шли совершенно окровавленные. Я еще не шла, все это видела сверху, не доходя этого коридора. Но когда я посмотрела в сторону раздетых, очевидно меня снизу заметила мать и она мне кричала: "Доченька, ты не похожа, спасайся". Мне хотелось броситься их защитить, но инстинкт самосохранения подсказал — ты не спасешь. Я должна была пройти этот коридор и я прошла под ударами немецких палок, но прошла не согнувшись, прямо-выдержала все.

Сшла вниз прямо к полицаям и сразу же спросила у него на украинском языке, где комендант. Он спросил зачем мне комендант. Я ответила, что я не еврейка, а украинка, шла провожать сотрудников, попала случайно. Он как-то посмотрел на меня, спросил документы. Я показала ему членский профбилет и трудовую книжку, где национальность не указывается. Он поверил мне, потому что фамилия русская, отчество тоже как-то звучит по-русски и он указав мне на бугорок, где сидела небольшая группа людей, говорят: — садись, подождешь до вечера, когда всех жидов перестреляем, вас выпустим.

Я поднялась на бугорок, села. Сначала смотрела на все эти ужасы: на глазах моих раздевали, били, люди истерически смеялись, видимо сходили с ума, становились за несколько минут седыми. Грудных детей вырывали у матерей и бросали вверх через какую-то песчаную стену, всех голых выстраивали по две-три человека и вели на какую-то позавишенность к песчаной стене, в которой были прорезы. Туда люди входили и не возвращались.

Паспорт я выбросила заранее, не доходя "коридора". Я все-таки ждала вечера не зная, что меня ждет.

Вечером под "окала" машины и немец-офицер, который в ней сидел, сказал, чтобы нас всех расстреляли, мотивируя тем, что если хоть один человек отсюда выйдет, проговорится в городе, что он здесь видел и на второй день ни один жид не явится.

Нас всех повели расстреливать туда же в песчаный разрез, куда вели всех. Но нас не раздевали, т.к. уже было темно и немцы уже были уставшие. Я шла, примерно, во втором десятке. Выходя из так называемой двери, из этого разреза, навало был небольшой выступ, где выстраивались все люди и с противоположной стороны из пулеметов их расстреливали, люди падали вниз в очень, очень глубокую пропасть. Я закрыли глаза, сжала кулаки и сама бросилась вниз до выстрела. Конечно, мне казалось, что я лечу целую вечность, т.к. было очень высоко. При падении я не чувствовала ни боли, ни удара-ничего. У меня было единственное желание-жить.

Сначала меня обдало всю кровью, по лицу стекала кровь. Я слышала стоны. После нашего расстрела, нас

было немного, никого не расстреливали. Мы были сверху. Потом я услышала икоту предсмертную, плач— это все исходило от недобитых трупов, от умирающих.

Немцы присвечивали фонариками сверху и стреляли вниз, добывая еще недострелянных. Недалеко от меня кто-то стонал сильно и немцы спустились вниз, их это очень раздражало, ходили по трупам и достреливали, кто шевелился.

Один из полицаяв или немцев / я не могу вспомнить / наткнулся на меня, т.к. я сверху лежала, и перелетел через меня так, что я перевернулась. Он присветил фонариком. Он не обнаружил на мне крови на теле, одежда не была прострелянной и он сказал об этом немцу. Тот сказал, что сейчас проверим и меня подняли, подбили, потом бросили. Я не охнула, не застонала, он стал мне одной ногой на грудь, другой— на руку, но я и в этот раз не застонала. Они решили, что мертве и оставили меня в покое, а сами ушли.

Через некоторое время я услышала прямо чуть-ли не над самым ухом: "Демиденко, давай сюда, заснивай". После чего я услышала какие-то глухие удары, потом все ближе и ближе я почувствовала, как на меня посыпался песок— это присыпали трупы. Мне стало очень тяжело, т.к. я лежала лицом вверх.

Не знаю сколько я пролежала, но когда я начала задыхаться, мне не хватало воздуха, собрала все силы и начала барахтаться, решили— пусть лучше расстреляют, чем я живо похоронена. Здоровой правой рукой / левую руку немец мне перевернул, когда стал на нее / мне уда-

лось ее продвинуть и, когда я почувствовала, что она свободна, откинула песок с лица. Вместе с воздухом я наглоталась песку и земли, перепугалась, что меня обнаружат и дострадают, а я все-таки думала-авось выберусь, спасусь. Я, конечно, старалась кашлять тихо. Мне стало немного легче, я стала барахтаться и вылезла вся.

Разглядеть куда ползти было невозможно, т.к. был в глазах песок и кроме того было уже темно.

Потом, пролежав немного в темноте и привыкнув к мраку, я рассмотрела, что кругом 4 стены на большом расстоянии и ползти мне нужно к той стене, откуда мы свалились и я поползла туда. С большим трудом, делая последние усилия, я выбралась наверх, в эту минуту меня кто-то откликнул. Это оказался мальчик 14-ти лет, которого звали Мотя. Я приказала ему молчать и мы поползли вместе. Он во всем меня слушался.

Долго мы ползли по поверхности, но уйти нам не удалось, т.к. кругом были яры.

Уже начался рассвет. Нам надо было куда-то спря- таться, мы опустились метра 2, два с половиной вниз за одну из стен расстрела и спрятались в кустах.

Когда рассвело, на противоположной стороне со стороны Куренавки мы увидели-немцы вели двух женщин-евреек. Я хорошо знаю, что это были еврейки, т.к. я слышала как они кричали на еврейском языке. Немцев было семь человек, они по очереди насиловали женщин, потом тут же их короткими закололи и обросили вниз. Потом я увидела одну старушку, которая бежала по той

же противоположной стороне, и ребенок — мальчик лет шести-семи, который бежал за старушкой и кричал: "Бабушка, я боюсь", а она от него отмахивалась. Два немца догнали их и убили сначала ребенка, а потом старуху.

Также я увидела, как подошла какая-то женщина с ребенком на руках, смотрела вниз, смеялась и разговаривала с немцами, которые стреляли.

Потом, к вечеру у меня начелась галлюцинация: я видела перед собой все время отца, мать, сестру, которые были одеты в белых длинных халатах. Все они смеялись, кувыркались и я засмеялась вместе с ними, потеряла сознание и свалилась вниз в обрва.

Когда я очнулась, надо мной сидел Мотя и плакал, он думал, что я умерла. Я очень быстро сообразила, где я нахожусь и мы поползли с ним дальше. Уже было совсем темно. Доползли мы с ним до конца выступа этой долины, по которой ползли, засели слева в кустах. Для того, чтобы спастись нужно было переползти большой луг, подняться нагору и тогда только попасть в Куреневскую рощу.

Мы договорились с мальчиком, т.к. он был почти раздет, а я все-таки в темном, он поползет первый и если все будет благополучно, он пошевелит веткой и тогда поползу я.

Но он переполз и попал прямо на охрану, его сразу же расстреляли. Я чуть не потеряла сознание. Снова одна. Кругом был песок, я подняла немного песка, сделала ямку, потом засыпала ее, как-будто бы над могилой,

поплакала так я похоронила ребенка.

Вторая ночь уже близилась к концу. Начался рассвет. Я увидела, что сижу на дороге в кустах, — меня могут заметить при свете. Направо от меня был какой-то проулок и я опрометью бросилась туда, меня никто не заметил. Это оказалась мусорная свалка. Я зарылась по горло в мусор и забросалась всякими тряпками, бумагами — корзину, которую положила на голову. Напротив себя у видела две больших зеленых помидора, но к ним нужно было ползти. Мне сразу захотелось пить, я старалась думать о чем угодно, но меня все поворачивало в ту сторону, как бы достать эти помидоры, инстинкт самосохранения взял верх.

Так я досидела третий день дотамна в этой яме. Дождлившихся ночи, я снова поползла и выбралась наверх, на какую то поляну. Ползла долго, провалилась в какой-то окол с колючей проволокой, но все-таки оттуда выползла и осторожно поползла на животе.

Ползла всю ночь и добралась до первого же домика. Мне хотелось забежать в эту первую же хатку и рассказать как я ушла, сколько выстрадала, может быть меня люди спасут, но кругом все спало. Я вскочила в полуоткрытый сарай, т.к. на меня набросилась собака, и там простояла до рассвета. Сарай был пустой. Собака все время на меня лаяла.

Вышла хозяйка этого домика, обнаружила меня в сарае и мне пришлось выйти. Когда она спросила меня: "Как ты сюда попала", то в ее тоне я почувствовала

для себя угрозу и мое намерение рассказать о пережитом конечно, немедленно исчезло. Я стала врать, сказала, что иду с окопов, что я из Белой Церкви и спросила дорогу к коменданту города, который может меня направить домой. Она мне ответила:— сейчас мы тебе покажем дорогу,— и куда-то послала своего сына. Минут через пять ее сын привел немца-офицера и указывая на меня, сказала "Ось, пан, юда". Немец ударил меня и приказал мне следовать за ним. Я пошла беспрекословно.

Он привел меня в какой-то домик, где жили немцы. Они завтракали. Несмотря на то, что это был четвертый день, я есть не хотела. Немец-офицер приказал им стеречь меня, а сам ушел. Меня заставили убирать: подмести, вытереть окна, помыть посуду. Я делала все молча, стараясь быть совершенно спокойной. Потом эти немцы куда-то ушли, остался только один, который стерег меня.

Через некоторое время пришел снова тот же немецкий офицер с хозяйским сыном, они привели двух девушек по 15-17 лет, которые страшно кричали, плакали, целовали сапоги этому немцу, просили, чтобы их заставили делать самую тяжелую работу, только-оставить им жизнь.

Он их нервно отбрасывал и приказал мне следовать за ними, нас всех куда-то повели. Привели на ту же площадь, где раздевали 4 дня тому назад. Тут только я сообразила, что четыре дня я ползла, притом, вокруг до окопа и попала снова туда же.

Было очень много вещей и обуви— все лежало отдельно. За вещами в стороне сидели-какие-то люди, их

было немного, человек 30-40. У видала, что это были старики, стерухи-остатки евреев, выловленные по квартирам, которые не могли идти. Здесь была и женщина с двумя детьми, один-грудной. Она очень кричала. Рядом с ней сидела очень спокойная девушка-медсестра, которую, как я потом узнала звали Люба.

Ей стало жаль меня, очевидно мне было холодно, я дрожала. Она разостлала свою шинель и предложила мне сесть рядом, другой половиной шинели накрыла мне ноги. Из всех сидящих только мы вдвоем сидели совершенно спокойно, т.е. внешне спокойно. Так просидели мы час, два-неизвестно сколько.

Под вечер под"ехали какая-то большая машина с нашими военнопленными бойцами, все они были с лопатами. Нас всех посадили на эту машину и повезли, куда-неизвестно.

Мы договорились с Любой-при удобном случае прыгать с машины, удрать, а если будут по нас стрелять-это будет неожиданная смерть, это будет все-таки легче чем сидеть и ждать где-то смерти.

Нас привезли к гаражам, против еврейского кладбища. Но там не было мест, гаражи были переполнены евреями. Нас повезли куда-то дальше. И вот, в районе Шулявки, через задний борт машины мы по очереди, сначала я, потом Люба выпрыгнули почти незаметно для находящихся в машине, т.к. все смотрели вперед, куда везут.

Т.к. уже вечерело и надо было где-то ночевать /домой пойти я боялась/, я предложила Любе пойти к своей двоюродной сестре /по национальности она польке/

которая оставалась здесь, в Киеве, мы пошли к ней. Она приняла нас и целую ночь вдвоем грели воду и отмиачивали на мне влившую в раны сорочку.

Ночью была облава. На меня неложили сверху подушек сена и таким образом меня спасли.

Наутро мы с Любой ушли в Дарницу /ДВРЗ/. Там мы поселились в хатках-вагонах. Люба ходила на огороды, выкапывала остатки картошки. На щепочках варили прикрывая огонь, чтобы нас не обнаружали. Потом нашла в грязной коробочке заплесневшую зеленую корочку, обмыла ее в луке и подарила мне, как больной.

На третий день нас обнаружили. Шли два немца и инженер завода, который меня за кого-то принял /он обозначался/ и спросил у меня: "Вы, кажется, работали у нас в инструментальном цеху". Я поспешила согласиться с ним, что действительно работала и он сказал немцам, что я местная. А я уже сказала за Любу, что это моя родственница, мы были на окопах, пришли домой, но наше здание разрушено и потому мы здесь поселились.

Нам поверили и предложили перейти в бывшие ермейские казармы, т.к. завод огороживался и вокруг жить нельзя.

Потом приехали туда немцы, это были восстановительные части, которые набирали рабочую силу для восстановления завода. Им нужны были регистраторы, но т.к. Люба довольно прилично владела немецким языком /я знала немецкий язык очень слабо, но латынь знала/ меня посадили регистратором в конторе, Люба стала переводчицей.

Таким образом на нас подозрения быть не могло. Потом в эти казармы поселили немцев и нам пришлось оттуда уйти. Из милости, начальство приняло нас в кухню с тем, что мы будем на них стирать, штопать, носить воду, гладить, готовить, носить дрова, колоть, резать - вообще делать все абсолютно, а также работать в конторе.

Мы согласились, что было делать. Была суровая зима. Одеть у нас нечего было, голодно было. Когда мы верили им, крали и себе. Я краде у них продукты и передавала в город детям через двоюродную сестру. То-сю, иногда в город и я приходила. Также адрес знала Любе и она приносила краденные продукты детям.

11 декабря 1941 года Любу выдали, на нее донесли. 12 декабря на рассвете Люба бежала. В это время я уже забрала к себе на кухню своего двухлетнего сына, т.к. в Киеве детей смешанных браков расстреливали. Сына я выкрала, вернее, я подослала домой девушку Наташу Гриневу /она и сейчас живет у меня/ и она выкрала сына и привезла мне.

Потом выдали и меня. Полтора месяца я сидела у себя же в комнате в заперти. Начальство уехало, я осталась на всю квартиру с ребенком. Приняла к себе Наташу и мы жили вместе с ней. Уйти оттуда никак нельзя было, т.к. я жила на втором этаже, а на первом этаже была полиция, которая меня стерегла.

Врачи, работающие на заводе, хотели помочь мне, т.к. я опасалась их. Начальник завода, шеф з-да не любил русских. Им вешалась буква "Р" над ними очень

издевались. А эти два врача были русские, бежавшие из одного немецкого лагеря, я подделала им документы, написала, что они украинцы и устроила на завод.

В благодарность за это они говорили гестаповцам и полицаям, которые приезжали за мной, что меня сейчас не допрос взять нельзя, т.к. сильный сердечный припадок, возможно, что она еще не еврейка, ведь доказать не могут, документы у меня в порядке.

Меня оставляли на некоторое время в покое, но я лежала и дрожала от каждого шороха, от каждого шага обставленная вся вокруг лекарствами.

23 февраля 1942 года, как раз в день Красной Армии, за мной приехало гестапо окончательно забрать меня. Это было на рассвете, часов семь утра. Наташа ушла на завод. Я с ней договорилась заранее, что если меня заберут, то ребенку я оставлю ей, а она привезет его к мужу в Киев.

Полиции еще не было, она являлась к восьми часам. Я видела, как гестаповцы выскочили из машины и направились прямо ко мне в переднее. На босую ногу, в тапалках, набросив только летний жакет, я выбежала на чердак/ это был третий этаж, там больше никто не жил/. Сын мой еще спал. Я боялась, что если схвачу ребенка, он сделает крику и мы оба погибем. Я не взяла его с собой. Я думала, что гестаповцы посмотрят, что меня нет дома, уйдут. Но они ожидали, очевидно думали, что я куда-то близко вышла, т.к. ребенок спит и я скоро вернусь.

Я сняла галоши и осторожно-босиком спустилась вниз на улицу. Пробежала ко второму дому, только там одела галоши и пустилась бегом в лес.

Я просидела очень долго пока не увидела, как машина гестаповцев уехала. Я боялась вернуться обратно и пошла на Киев. Я разорвала на себе сорочку и заместела ноги вместо чулок.

Дойдя до Дарницкого моста, у меня потребовали пропуск, но врачи, находящиеся на заводе, написали мне на всякий случай направление якобы я направляюсь по болезни в больницу. Я предъявила эту справку и мне поверили и даже посадили на проезжавшую машину, которая довезла меня до Киева.

В Киеве я устроилась через свою двоюродную сестру Тосю свидание с мужем. Он дал мне свои ботики, веленки, колушок и отвел меня ночевать к моей теперешней сотруднице артистке Поповой. У нее я жила 10 суток, все в ожидании, что мне привезут сына.

Мне пришлось оттуда уйти, т.к. кругом были облавы, ходили по квартирам и отыскивали не прописанных и угоняли в Германию. Таким образом я стала скитаться. Две ночи прожила у пианистки. День ходила по окраине города, а на ночь приходила к пианистке нашего театра, с которой работала до войны. Приходила к некоторым знакомым, которым можно было поверить. Но все это было на одну ночь.

В конце концов все стали меня сторониться. Уйти мне некуда было, я была раздета, без денег. Я стала ночевать в подвалах, на чердаках, в развалинах. Пере-

стоявала ночи в уборных. Так все затянулось до мая месяце. Я все никак не могла узнать о ребенке, где он делся, и решила уйти, но очень заболела, на улице меня подобрала и отвезли в больницу.

В это время я узнала, что мой муж Проничев арестован. До 1945 года я ничего о нем не могла узнать. В 1945 году вернулась из Германии пианистка, работавшая с нами до войны, которая после ареста Проничева, видела его на тяжелых работах. Она принесла ему покурить и покушать, и когда однажды она пришла, ей сказали: " Не носите больше ничего, его уже нет". Его арестовало гестапо. Она попыталась еще раз прийти, но ей говорили, что его расстреляли. Так ли это — она не могла доказать, но больше ничего никто о нем не знает.

Когда меня забрали в больницу — это как раз были дни эвакуации жителей со Слободки в Киев. Эвакуация производилась немцами, так как вокруг Слободки были обнаружены партизаны.

Выйдя из больницы, я пришла в сторону Шулявки. Я знала место, где бывал муж, мне казалось, что я его там встречу. Но кто-то на меня указал. Какую-то группу проводили людей или из облавы, или арестованных, меня туда подтолкнули и вместе со всеми забрали.

Привели нас в Лукьяновскую тюрьму, где просидела 28 суток. Били меня сильно. Там работал полицейский Митя, который часто передавал мне лешний кусок хлеба и в свое дежурство, папиросы. И вот, когда меня взяли на

последний вопрос, он меня почти полумертвую, избитую унес. Мы очутились с ним против больницы Калинина, в стороне Шуляки. При чем до этого он прибил немца прикладом, поэтому он унес меня.

Возле больницы Калинина он посадил меня и сказал:
 - С тобой далеко я не уйду, мне нужно спешить.
 Я не полицаи, а партизан. Меня зовут Митя.

Он поцеловал меня и исчез.

И вот больная, избитая, вся в шрамах ушла я пешком на Белую Церковь. Добиралась много дней. По дороге, не доходя до Василькова, мне подарили дранные босоножки, в которых я ходила до осени. Добравшись до Белой Церкви, там работал один из Киевских театров, но фамилий знакомых не оказалось и поэтому я смело вошла в театр и предложила свои услуги. Но так как у меня был еховый вид, я сказала, что я эвакуирована со Слободки / об этом везде знали / и меня приняли. Костюмерше узнала меня, т.к. у нее мы брали костюмы еще в 1926 году, но к счастью она не знала моей национальности. Муже она знала хорошо, но он русский. Она забрала меня к себе ночевать. Когда ложились спать, пришлось раздеться, я была без блузки в одном жакете. Она подарила мне блузку. Поработала я там месяц, полтора. Потом театр уехал в Киев, а мне ехать в Киев нельзя.

В Ракитном, 40 километров за Белую Церковь, требовалась переводчица, т.к. за это время я выучила немецкий язык / я рискнула и поехала туда. Там проработала две недели. Мои переводы оказались неправильными. На-

чали подозревать, что я еврейка, стали преследовать меня и я оттуда бегала снова в Белую Церковь. Приехав туда, я застала второй киевский театр, он считался Областной театр имени Шевченка. Там оказался мой старый друг Николай Цыганков. Он сделал вид, что не знает меня совершенно. Днем я бывала на работе, а вечером он с женой принимали меня у себя, кормили. Я пристроилась к ихнему театру. Вскоре появилась артистка Кольцова, с которой мы работали еще в 1934 году и видела меня.

Машинист сцены театра Афанасьев, когда стали преследовать меня внутри театра, среди артистов, он просто заявил - если кто меня обидит, будет иметь дело с ним. Он взял меня под свою защиту, т.к. у него незадолго до моего прихода на его глазах расстреляли его жену - еврейку и убили трехмесячного ребенка.

Много раз мне приходилось бегать из села, в село, из города в город. Обо всем этом меня всегда своевременно предупреждал Афанасьев.

Летом 1943 года мы с театром им. Шевченко приехали в Ружин, где находилось еврейское гетто - 38 евреев было в нем. Они работали все в портняжеской мастерской. Находились не учте, каждый день полиция приходил проверять все ли на месте. Подать им что-либо не было возможности, не разрешали. Их предупреждали, что если один из них исчезнет - расстреляют всех. Они работали совершенно бесплатно на всю округность.

Я все так, как артистка пред"явила требования коменданту. Я резорвала шбку нарочно, мне хотелось поговорить с ними. Я пришла к коменданту и сказала,

что у меня разорвана юбка, а вечером нужно выступить, ее необходимо починить. Он мне разрешил, чтобы они починили юбку. Я сделала вид, что иду на базар, взяла с собой корзину, собрала продукты: хлеб, деньги, сверху положила свою юбку и пронесла. Афанасьев стоял на улице, разговаривал с полицаем, приглашая его в театр. В это время я вошла. Я поздоровалась со всеми за руку отчего они все растрогались, расплакались, так как кроме подчин ни от кого доброго слова не слышали. Когда я передала им продукты они все невзрыд плакали и женщины и мужчины. Юбка к вечеру мне была готова.

Через несколько дней приехал гебиткомиссер Казатина и приказал всех евреев расстрелять, оставив только три лучших мастера. Их всех на наших глазах повели и тут же расстреляли, что мы все видели.

Потом вместе с театром переехали в Казатин. Я работала в театре, кем только приходилось: а артисткой и администратором и кассиром. Конферировала на немецком языке, что меня заставлял наш директор Прихненко. Я просила его не выпускать меня конферировать перед немцами, так как я могла случайно не то сказать и меня тут же расстреляют. Но он мне отвечал: "Вспомните о вашем прошлом".

Мое прошлое заключалось в том, что я родилась в еврейской семье, он об этом знал.

Так я перестрадала до прихода Красной Армии, т.е. до 28-го декабря 1943 года. Под бомбежкой добралась до Киева. Единственная мысль была у меня-может быть я что нибудь узнаю о детях. В Киеве мне сразу

сказала, что дочь моя была направлена в детдом, о сыне я ничего не могла узнать.

Я ходила из детдома в детдом, ходила везде и всюду, где только могла. Потом мне сказали, что детей, которые находились там, где моя дочь расстреляли.

Еще немного погодя привезли каких то детей из Западной Украины. Я и туда пошла, пересмотрела, но своих не обнаружила. Я ходила, как умалишенная по городу и присматривалась к каждому беспризорному.

12-го марта 1944 года привезли детей на Соломенку. Я пошла туда. Когда я спросила Лидочку Проничеву мне вывели девочку, в которой я узнала свою дочь. Она сначала бросилась ко мне, а потом остановилась потому, что отец Проничев учил ее — если встретишь маму, говори тетя, потому, что нас всех расстреляют. Она сначала бросилась, а потом остановилась и сказала — тетя. Но когда я сказала: "Доченька, теперь уже можно сказать мама". она бросилась ко мне на шею с криком, мамочка. Здесь произошла трогательная встреча. Все кругом плакали. Доченьку взять сразу я не могла. Через несколько дней, приходя в каждый детдом, я искала сына.

Афанасьев, с которым мы сошлись, уехал на фронт. Я осталась одна голая босая. Из одеяла пошила себе пальто и так ходила. Взять детей мне было очень тяжело, так как я сама жила впроголодь. Мне пошли на встречу и дети мои остались в детдоме, где пребывают еще до сих пор.

21.-

Афанасьев вернулся с фронта инвалид Отечественной войны II-й группы. Я работаю в Киевском Республиканском театре кукол, ведущей артисткой.-

/ Проничева/

х показаний

При разъяснении требований ст.19 УПК СССР Таужнянский заявил, что показания желает давать на русском языке, которым владеет в совершенстве, в услугах переводчика не нуждается.

По существу вопросов, интересующих следствие, свидетель Таужнянский показал:

До начала войны с фашистской Германией я с матерью проживал в городе Киеве по улице Тропинина. Мать работала в Подольской поликлинике врачом – бактериологом, я учился в школе. Эвакуироваться мы не успели и остались проживать в Киеве. Все события, происходившие в первые дни оккупации гитлеровскими войсками города Киева, отчетливо сохранились в моей памяти несмотря на то, что мне тогда было 12 лет.

19 сентября 1941 года фашистские войска вступили в город Киев, а примерно через неделю по городу на стенах домов и других строений были вывешены объявления. В них предлагалось всему еврейскому населению города с необходимым количеством одежды, ценностями и документами, а также с трехдневным запасом пищи собраться в районе улицы Мельника. За неявку на сборный пункт грозила кара – расстрел. Так было написано в объявлении. Среди взрослых обсуждалось это объявление. Одни говорили, что собравшихся якобы отправят на железнодорожный вокзал, а оттуда в Израиль. Другие говорили, что будут отправлять куда-то на работу, но толком никто ничего не знал.

Моя мать по национальности была еврейкой и решила идти вместе со всем еврейским населением города Киева. Собрав с матерью в два небольших рюкзака по паре сменного белья и немного имевшихся дома сухарей мы вышли во двор. Помню, что во двор также вышли соседи, не успевшие эвакуироваться и проводили нас за ворота.

Какая-то женщина дала матери небольшой крестик с цепочкой и она повесила его мне на шею. Выйдя с нашей улицы Тропинина на пересекавшую ее Овручскую мы пошли в сторону улицы Новой Овручской /теперь улица Якира/. По мере приближения к этой улице все увеличивалось число идущих граждан с вещами, а когда вышли на улицу Мельника, то она была просто запружена людьми, продвигающимися в сторону пересечения улиц Мельника и Пугачева. На этом участке еще оставалась часть уличных заграждений, созданных в начале войны из мешков, набитых песком. Вот это заграждение создавало как-бы своеобразный барьер, за который провожающих уже не пропускали, а идущих к месту сбора граждан гитлеровцы брали под конвой и гнали дальше в направлении Бабьего Яра. Все конвоиры были в темнозеленой форме с эмблемами СС, а у офицеров на высоких фуражках были кокарды с изображением черепа со сложенными накрест костями. Вооруженные они были автоматами, многие были с собаками. Из какого гитлеровского подразделения они были мне неизвестно.

Люди двигались сплошным живым потоком. Многие несли на себе сделанные в виде рюкзаков мешки, некоторые катили перед собой тележки с больными, неспособными двигаться самостоятельно. Матери везли в колясках грудных детей, а более старших - несли на руках или вели за руку; абсолютное большинство идущих были старики, подростки, женщины и дети. Люди плакали от страха перед грядущим неизвестным. Слышались настороженные недоумения: "Если думают вывозить с вокзала, то почему же собирают на Сырце в районе Бабьего Яра?". В связи с большим скоплением людей, движение замедлилось. Гитлеровцы разделяли толпу граждан на группы примерно по 500-600 человек и гнали их по улице Мельника вниз, затем через улицу Дегтяревскую на улицу Дорогожицкую мимо Лукьяновского и Военного /Братского/ кладбищ, а затем

направо уже непосредственно в Бабий Яр. Через непродолжительное время гитлеровцы этим же маршрутом гнали все новые и новые группы мирных граждан. Улица Дорогожицкая и проселочная дорога, где теперь, улица Демьяна Коротченко, были перекрыты гитлеровскими автоматчиками с собаками и таким образом район Бабьего Яра был полностью оцеплен.

В одной из таких групп, в количестве 500-600 человек, гнали и меня с матерью. Когда мы уже проходили вдоль Бабьего Яра и приближались к большой ровной площадке, то должны были проходить как-бы живой коридор из выстроившихся в два ряда гитлеровцев. Пройдя метров 30 по этому коридору мы попадали на упомянутую площадку, где людей раздевали и группами по 40-50 человек гнали в овраг, который был на расстоянии примерно 30 метров от площадки и там расстреливали из автоматов. Проходя по коридору и уже на площадке людей жестоко избивали палками. У нас с матерью ничего ценного не было и я только сбросил с себя рюкзак с бельем и сухарями. Куда свой рюкзак дела мать я не знаю, так как мы неоднократно теряли друг друга в той суматохе. Впереди слышались автоматные очереди, крики детей, подростков, взрослых. Кто не хотел идти к месту казни или в истерике молил о пощаде, того фашисты также избивали или травили собаками. Уже уходя в сторону оврага мать успела крикнуть - "Сереза беги", а сама в толпе медленно пошла вниз в овраг, в котором гитлеровцы расправлялись с мирными ни в чем неповинными советскими гражданами. Я стал метаться во все стороны не зная что делать, но вскоре заметил стоявшего отдельно от оцепления гитлеровского солдата и, обратившись к нему, стал просить и объяснять ему, что я не еврей, а украинец, попал сюда совершенно случайно и в под-

Сергей

тверждение этого стал показывать упомянутый выше крестик. Солдат, после небольшого раздумья, указал мне на валявшуюся неподалеку пустую хозяйственную сумку и жестами приказал мне собирать в неё советские деньги, которые ветром разносило от того места, где раздевали обреченных. Насобирав полную сумку денег, я принес их солдату. Он велел спрятать деньги под кучу одежды, а самому мне отойти на небольшой глиняный бугорок, сесть там и никуда не уходить, что я и сделал. Недалеко от меня стояли две автомашины – легковая и крытая металлом, без окошек, грузовая, такие машины называли "душегубками". Людей в этих машинах не было. Возле них прохаживалось несколько офицеров в черной форме с эмблемами СС и с черепами на кокардах фуражек. Они, по моим наблюдениям, давали жестами какие-то указания солдатам, находившимся в оцеплении места расстрела. Вскоре неподалеку от меня остановилась еще одна легковая автомашина, в которой были солдат и офицер в темнозеленой форме. Солдат, заставлявший меня собирать деньги, подошел к офицеру и о чем-то переговаривал, затем жестом позвал меня и велел сесть в машину, я выполнил это. Рядом со мной села девушка лет шестнадцати и автомашина направилась в центр города. На улице Саксаганского офицер нас отпустил и мы разошлись. С той девушкой я не знакомился и кто она такая мне неизвестно. До освобождения Киева частями Советской Армии я скрывался у своих знакомых. В период оккупации я в Бабий Яр не ходил, а от кого-то из жителей города Киева, от кого именно уже не помню, слышал, что массовые расстрелы в Бабьем Яру длились несколько дней. Какое количество граждан было уничтожено я не знаю, как и не знаю кто руководил теми злодеяниями. Упомянутый в протоколе допро-

са Пиль Иоганнес мне неизвестен.

Хочу уточнить лишь то обстоятельство, что когда с улицы Мельника нас гнали между Братским кладбищем и деревянным забором, то это была улица не Дегтяревская, а Семьи Хохловых, которая пересекает улицу Дорогожицкую. Других уточнений не имею.

*Протокол моего показания.
Мои показания записаны правильно.
Дополнений и поправок к протоколу не имею.*

Скаут

Допросил: Старший следователь Следотдела
К. Г. Б. У С С С - майор

Плужник
Плужник

Старший помощник Прокурора Украинской ССР
старший советник юстиции

В. И. Лесной

В. И. Лесной

Протокол допиту свідка злочинів нацистів у Бабиному Яру Трубакова Захара Абрамовича від 28 травня 1980 р. ГДА СБ України, ф. 7, оп. 8. (1983 р.), спр. 1, арк. 154, 158-160

154

П Р О Т О К О Л
допроса свидетеля

г. Киев

28 мая 1980 года.

Допрос начат в 9 ч. 20 м.
— " — окончен в 14 ч. 10 м.

Старший следователь Следственного отдела КГБ СССР майор Плужник по поручению Следственного отдела КГБ СССР, в связи с обращением следственных органов МГБ ГДР об оказании правовой помощи по делу Пиль Иоганнеса, в служебном кабинете, с соблюдением требований ст.ст. 85, 167 и 170 УПК СССР допросил в качестве свидетеля:

Трубакова Захара Абрамовича, 1912 года рождения, уроженца города Сураж Брянской области, еврея, гражданина СССР, с образованием 7 классов, по специальности механика, проживающего в городе Киеве по Брест — Литовскому проспекту, 8, квартира 7.

В соответствии с ч.4 ст.167 УПК СССР Трубакову разъяснены обязанности свидетеля, предусмотренные ст.70 УПК СССР и сообщено, что он вызван для допроса в качестве свидетеля по делу о массовых расстрелах советских граждан гитлеровскими захватчиками в Бабьем Яру в период оккупации города Киева.

Свидетель предупрежден об ответственности по ст.179 УК СССР за отказ или уклонение от дачи показаний и по ч.2 ст.178 УК СССР за дачу заведомо ложных показаний.

При разъяснении требований ст.19 УПК СССР свидетель Труба-

его родного дяди Крического Семена Львовича. У него с 20-х годов была ампутирована одна нога, на что я обратил внимание и в карманах его одежды мною была обнаружена их семейная фотокарточка. Вместе со мной в группе заключенных был и сын Семена Львовича - Кива /убит при побеге/, которому я и передал найденную фотокарточку.

В ночь с 28 на 29 сентября 1943 года мы большой группой расковались, открыли замок и напали на охрану. Сняв стоявшую смену охраны, мы начали разбегаться по оврагу, но вскоре вся зондеркоманда была поднята по тревоге и нас начали обстреливать из автоматов и пулеметов. Скольким узникам тогда удалось вырваться из землянки и бежать, я сказать не могу, но вскоре после освобождения Киева стало известно, что в живых после побега нас оставалось 15 человек. Некоторые затем погибли на фронте или умерли в последующее время.

Кто конкретно из гитлеровцев руководил расстрелами граждан в 1941 году мне неизвестно, упомянутого в протоколе допроса Пиль Иоганнеса я не знаю.

Хочу дополнить к своим показаниям, что я был знаком с представителем Чрезвычайной Государственной Комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков Шевцовым Владимиром Дмитриевичем, принимавшим участие в работе Киевской областной комиссии по расследованию злодеяний гитлеровцев в городе Киеве и, в частности, в Бабьем Яру. Шевцов до конца 1979 года проживал в Киеве, в начале этого года он умер. Мы с ним неоднократно встречались, он мне рассказывал о своем участии в раскопках останков расстрелянных советских граждан в Бабьем Яру. Из

Шевцов В. Д.

его рассказов мне известно, что осенью 1943 года в оврагах Бабьего Яра было извлечено еще много трупов детей, женщин и мужчин. Многие трупы были раздетыми, а на многих сохранилась одежда. Шевцов передал мне фотографию, сделанную в 1943 году в Бабьем Яру во время раскопок. Репродукция этой фотографии я передаю в распоряжение следствия. На фотографии вторым справа изображен священник Скоропостижний, третья — Буриченко, остальных лиц, изображенных на фотографии я не знаю.

*Простодол мне прочитан, мои показания
зачислены в протокол, дополнены и направлены
в протокол не снесено.*

Григорьев;

Допросил: Старший следователь Следственного
отдела К Г Б У С С Р — майор

А. Плужник
Плужник

Копия... помощник Прокурора Украинской ССР
старший советник юстиции

В. И. Лесной

В.И.Лесной

3 протоколу допиту полоненого Сирецького концтабору Давидова Володимира Юрійовича про масові розстріли військовополонених у Бабиному Яру. 9 листопада 1943 р. ЦДАВО України, ф. 4620, оп. 3, спр. 243-б, арк. 21, 24-28

21

13

К о п и я

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Гор. Киев, 9 ноября. Я, начальник отделения НКГБ СССР - майор государственной безопасности ЛАВРЕНКО, допросил в качестве свидетеля ДАВИДОВА Владимира Юрьевича -

1915 года рождения, уроженца г. Киева, по национальности еврея, гр-на СССР, по социальному происхождению из семьи служащего, б/п., образование среднее, женатого, не судимого, в Красной Армии служил с 25 июня по 23 сентября 1941 г. В марте м-ца был арестован гестапо и содержался в Сирецком концентрационном лагере, откуда 29 сентября бежал. До оккупации работал начальником отделения труда Волгостроя ГУЛАГа, проживает в г. Киеве, ул. Тургеневская № 47, кв. 12.

Об уголовной ответственности по ст. 89 УК СССР, за дачу ложных показаний предупрежден.

ВОПРОС: О чем Вы хотели заявить органам НКГБ СССР?

ОТВЕТ: Мне известно о расправе немцев над еврейским населением г. Киева и об этом я хочу рассказать.

ВОПРОС: Расскажите, что Вам известно о зверствах, совершенных немецко-фашистскими оккупантами?

ОТВЕТ: В средних числах марта м-ца 1943 г. я был на улице задержан и меня доставили в управление полиции по ул. Короленко д. № 15.

Когда меня привели на ул. Короленко № 15, меня начали избивать, выбили мне зуб. Следователь, который меня допрашивал, меня не избивал, а сказал, что если окажется, что я не виноват, то меня выпустят.

Отвели меня в камеру, где сидело человек 40. Там были, в основном, уголовники, бездокументники, другие, как подозрительные в партизанской деятельности, некоторые, как работники НКВД.

Давидов
/на обор./

Он заставлял этих людей снимать брюки, был там пристав такой стул высокого размера, там ставилось два человека - бригады и каждый из них плеткой отсчитывал количество ударов, назначенных РАДОМСКИМ, или его заместителем.

Бывали случаи, когда сами бригадиры, а иногда и немцы, сами добивали тех людей, которые, по мнению РАДОМСКОГО, плохо работали. Это в большей части случалось с евреями. Они заставляли заключенных евреев взлезать на дерево, затем его подпиливали, дерево рушилось и люди убивались на смерть, или калечили.

Бывали случаи, когда многие пытались удрать из лагеря. Многие заключенные работали в городе, им было легче удрать.

Когда бывали случаи бегства, то после этого РАДОМСКИЙ собирал всех заключенных, проходил по строю, отбирал человек 25, выводил их из строя и перед нами на глазах они расстреливались.

Бывали случаи, когда расстреливались люди за то, что они сорвали яблоко или помидор. Таких случаев было 3-4.

Во избежание болезней со стороны заключенных, была создана отдельная специальная землянка, куда забирали этих больных. Никакой помощи им не оказывали, а просто перед всеми на глазах этих больных расстреливали и этим самым запугивали заключенных, чтобы они не болели.

За все время моего пребывания в лагере был один случай, когда никого из нас не наказали за побег пяти шоферов, которые чинили машину и когда она была вполне готова, они сели в машину ее испытывать и через центральные ворота уехали.

Недалеко от нашего лагеря, в 100 метрах/примерно/ находился "Бабий Яр", в котором в 1941 году были произведены массовые расстрелы евреев и расстрел командиров Красной Армии. А уже в последнее время периодически из гестапо привозились туда различные люди, которые также там расстреливались.

Находясь недалеко от "Бабьего Яра", мы очень часто видели, когда подезжала машина "Черный ворон", в основном, машина всегда приезжала в субботу, а в последнее время и во вторник.

Из этой машины выводили голых людей, также слышны были выстрелы. Вместе с машиной "Черный ворон" приезжала и легковая машина. Расстрелы людей производили "фольксдойчи".

Мне известно, что расстрелом людей занимался "фольксдойтч" из тех причин, что они приходили к нам в лагерь за лопатами.

Шофером на машине "Черный ворон" был офицер "СС", который носил два кубика, он работал на этой машине на протяжении двух лет.

Давид

Таким образом, всем заключенным стало известно, что в "Бабыем Яру" производились расстрелы.

18 августа, во время утренней проверки, из нас, заключенных, отобрали 100 человек, в число которых попал и я.

В основном, были отобраны евреи, которые подозревались в партийной принадлежности и ни в чем неповинные старики.

Когда отсчитали 100 человек, то нас всех принял конвой "СС" и повели нас в "Бабий Яр".

Мы все считали, что нас ведут на расстрел в "Бабий Яр", но когда мы прибыли туда, то часа через полтора нас всех назначили по группам по 5 человек и стали уводить куда-то.

Когда дошла уже до меня очередь, то я увидел, что все мои товарищи, которые были уведены, не расстреляны, а все они сидят закованы в кандалы.

Таким образом, нас всех заковали, т.е. все 100 человек, в том числе и меня и поместили нас в т.н. землянки.

Вся охрана "Бабьего Яра" состояла, исключительно, из младших и средних офицеров "СС".

Впоследствии мы узнали, что то мероприятие, которое будет проводиться, держится в строжайшей тайне, никому из граждан, на протяжении километра, нельзя было подходить к "Бабыему Яру", затем там были маскировочные щиты. Также из разговоров немцев мне стало известно, что по приказу Гитлера эта работа должна была быть засекречена и никто, кроме вышеуказанных людей, об этом не должен знать.

Вначале мы не знали, какую именно работу мы будем делать, но по ходу раскопок, которые мы начали производить, мы поняли, что будут откапываться трупы, расстрелянные в 1941 году.

Через несколько дней, в процессе раскопок, в то время мы уже были закованы, перед нашими глазами мы увидели жуткую картину, мы увидели, а также услышали вонь разложившихся трупов.

Нас заставляли работать очень быстро, даже не давали разогнуться.

Трупов в этом яру были десятки тысяч, было около 2-х больших яров, где было, примерно, около 50.000 трупов евреев, затем на "Бабыем Яру", на протяжении полукилометра, была яма расстрелянных, вернее, противотанковый ров, там были убитые командиры Красной Армии, вернее - комсостав. Можно было это видеть по знакам различия, шпалам.

Давид

/на обор./

В этой яме было, примерно, 20.000 человек. Были люди в форме летчиков, в комбинизонах. Видно было, что многие из расстрелянных были ранены, ибо были видны костыли и повязки на руках и ногах.

В процессе раскопки трупов, вернее, когда собралось 2.000 трупов, нас заставили строить печку, в которую вроде штабеля укладывались дрова с еврейского кладбища, приносились гранитные памятники, которые укладывались, в виде квадрата, на земле, клали по одному камню и на этот камень ложились рельсы, сразу же на рельсы клался слой дров, после чего трупы ложились по определенному порядку /проведением этого мероприятия занимался один немец - инженер, который хорошо знал это дело/, в результате чего получался штабель высотой в 10-12 метров. В штабель входило до 3.000 трупов.

После этого, к этому штабелю подносился факел и возникал пожар. Таким образом, эти трупы уничтожались и оставались только кости, которые полностью не сгорали. Эти кости специальными трамбовками толклись на листах железа, после это рассыпались по пустому яру, который должен был засыпаться.

Первое время горела только одна такая печь, после каждого сжигания штабель этой печи ликвидировался, так как камень сгорал, рельсы гнулись. Таким образом на следующий штабель нужно было делать новую печь.

В связи с тем, что количество трупов было еще большее, печей было мало, то сжигание трупов начало производиться одновременно в 3-х местах и количество печей, горевших одновременно, доходило до 4-х, а всего за все время сжигания трупов было построено 75 печей, примерно.

Таким образом, пребывая все это время в "Бабым Яру", я могу сказать, что такими печами было сожжено, примерно, 70.000 трупов.

Характерно отметить, что немцы выделяли людей /из заключенных/, которые специально занимались изъятием золота у трупов, они вытаскивали из ртов трупов золотые зубы, снимали кольца с рук, часы, забирали также советские деньги, доллары и все это немцы забирали себе. Наиболее дорогие вещи работники "СС" забирали себе и клали в свой карман. Это я видел своими глазами.

В процессе работы мы испытывали жуткие избиения со стороны немцев и охраны; за каждую мелочь нас избивали палками и все время били по голове.

Воды никакой не было, по этому от всех нас несло трупам, затем у людей появились прыщи на руках и теле.

В первые дни работы на "Бабым яру" одному из заключенных удалось бежать, он как-то незаметно пробрался и прыгнул в яр, потом, воспользовавшись недосмотром немцев, ему удалось скрыться.

Давид

27
16

7.

Ввиду того, что руководству "СС" было указано, что ни один человек из этого яра не должен когда бы то ни было попасть на волю, за это к самим же немцам применялись самые жестокие меры. В связи с этим был расстрелян один немецкий офицер. Об этом нам стало известно со слов одного офицера, который нам сказал, что один немецкий офицер был расстрелян из-за нас. Теперь он нам сказал, что в случае, если кто-либо из нас попытается бежать, то мы все будем расстреляны. За то, что один наш заключенный бежал, было уничтожено на наших глазах 12 человек.

Через несколько дней, после того, как бежал один заключенный, мы начали готовить массовый побег в количестве 20 человек, некоторых из них я знаю по фамилиям, а всех остальных я знаю по имени: ТРУБАКОВА Захара, ПОЛИЩЕР Леонида, ХАРТШ Леонида. Мы достали лопаты и ночью рассчитывали сделать подкоп, но из нашей затеи ничего не вышло, так как нашелся один провокатор, который о нашем намерении доложил начальнику и, в связи с этим, было расстреляно 8 чел.

Числа 25-26 августа, когда вся работа была уже почти закончена, нам предложили сделать еще одну печь для уничтожения самих нас. Об этом мы узнали из того, что в "Бабьем Яру" трупов уже не было, а печь мы делали.

Ввиду этого в ночь с 28 на 29 сентября был организован побег, мы подобрали ключи к замку нашей землянки, причем ключ сделал сам заключенный по имени Володя. Каждый из нас старался принять все меры к тому, чтобы развязать кандалы, кто развязывал ножницами, кто ножами.

Примерно, часа в 3 ночи был вскрыт замок и минут через 40 мы начали выскакивать из землянки.

Мы хотели броситься на часовых, но боялись, что они поднимут стрельбу. Наверху землянки сидел пулеметчик.

Когда часовые и пулеметчик увидели, что мы бежим, то они сначала отскочили в сторону, потом подняли стрельбу.

Из землянки выскочило человек 35-40, но спаслось, очевидно, человек 10.

После этого я поднялся из яра и пошел по дороге. Я встретил своего знакомого по лагерю ХАРТШ Леонида и прошли мы с ним, примерно, до поселка Стрель. В это время уже было совершенно светло и нам дальше двигаться нельзя было, так как кругом были воинские части, жандармерия, поэтому мы пошли в первую попавшуюся хату. Хозяйке хаты мы рассказали, что мы бежали из "Бабьего Яра" и что она нас должна спасти. Она согласилась и, таким образом, мы у нее прожили до ноября месяца, а 2 ноября я прибыл в Киев, ХАРТШ Леонид еще оставался

Давид

/на обор./

в поселке Стреч /примерно от 2 ноября до взятия Киева я скрывался в разных местах города, ночевал на вокзале/.

В процессе сжигания трупов, расстрелянных в 1941 году на "Бабьем Яру", во время нашей работы, начали привозить машиной "Черный ворон" из "СД" трупы людей, уничтожаемых путем удушения газами.

Происходило это следующим образом:

Рано утром приезжала на "Бабий Яр" карательная машина, в которой слышны были разговоры живых людей, потом эта машина останавливалась, затем вновь включался мотор и включался какойто рубильник, после чего внутри машины поднимался душераздирающий крик женщин, детей и стариков. По всей вероятности, туда начинали поступать газы отработанного бензина и люди начинали задыхаться. Минут через 15 все затихало, открывалась дверь "Черного ворона" и представлялась жуткая картина.

В машине сидело 40-50 человек людей, голые, в возрасте от 1 до 70 лет, еще совершенно горячие, мокрые и, по внешнему виду, эта картина напоминала людей, сидящих в бане, у всех были открыты глаза, а на лицах ярко был выражен ужас.

Нас заставляли влезать на машину, сбрасывать трупы только что умерших людей вниз и укладывать их в те штабеля для сжигания, причем некоторые из этих людей еще были полуживые.

Сначала машина "Черный ворон" приезжала два раза в неделю. В машину входило по 50 человек. В каждую ходку бралось 50 человек, а таких ходок за день делалось 2-3, а затем, когда немцы стали отступать из Киева, эта машина делала по 8-10 рейсов в день.

Об этом мне известно из того, что возле шофера стоял какойто прибор. Я лично сам его видел.

Я также видел, что когда машина подвозила людей к "Бабьему Яру", то оттуда выходили удушливые газы, а также были слышны крики этих людей.

Из высказываний немцев, охранявших нас там, было известно, что по приказу Гитлера работа должна быть настолько засекречена, что туда даже не допускались рядовые немцы и не "Фольксдойтчи", которые производили эти расстрелы.

ВОПРОС: Что еще Вы можете сообщить органам НКГБ?

ОТВЕТ: Больше я ничего не могу сообщить, так как все рассказал.

Давыдов ДАВЫДОВ.

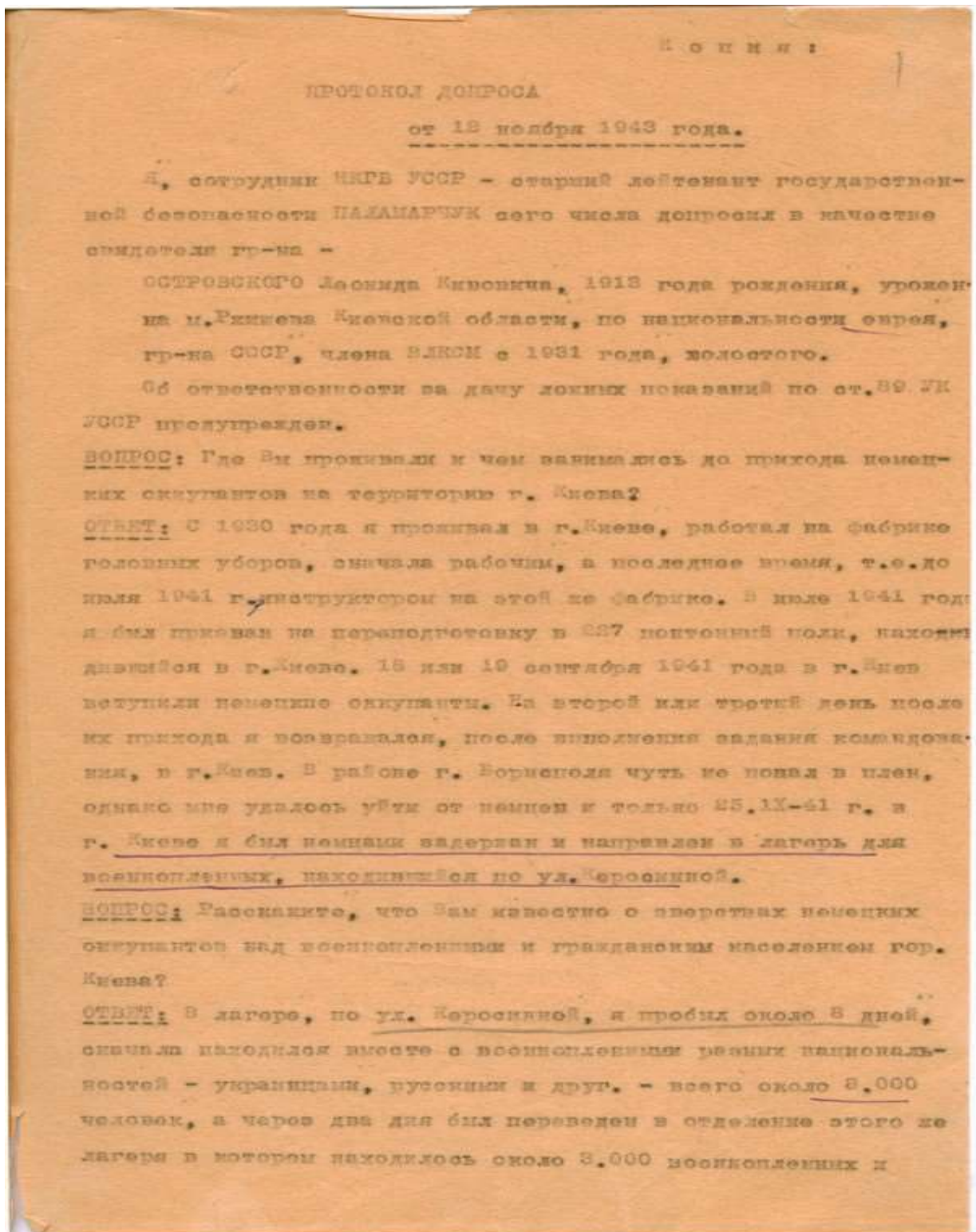
ДОПРОСИЛ: НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА НКГБ УССР
МАИОР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

- ЛАВРЕНКО -

1/нч

Собственноручно подписано
Давыдов Владимир Юрьевич
Зам. Начальника отдела НКГБ УССР
Лавренко

Протокол допиту полоненого табору військовополонених по вул. Керосинній Островського Леоніда Кивовича про спробу нацистських окупантів приховати сліди злочинів у Бабиному Яру. 12 листопада 1943 р. ЦДАВО України, ф. 4620, оп. 3, спр. 282, арк. 1-7

гражданских лиц - только еврейского населения. Первые 3 дней пищи для находившихся в лагере не выдавалась, а за последующие 3 дня пребывания в этом лагере я получил один раз около поллитра так называемой, "балабры" - немного муки разбавленной в воде и второй раз - несколько граммов капусты. Водой вовсе не снабжали.

Закрытые помещения лагеря были настолько забиты людьми, что в них можно было ^{только} стоять, во многих помещениях люди задыхались из-за отсутствия воздуха.

Из числа еврейского населения многих в лагерь приводили избитыми до смерти. Отсутствие питания, антисанитарное состояние в самом лагере, грубое обращение с людьми со стороны немецких надсмотрщиков, избивавших их за что, приводило к тому, что в лагере ежедневно умирало до 5 человек.

С 28 сентября 1941 года и до момента ухода из лагеря, всех находившихся в нем евреев в возрасте до 16 лет и старше 35 лет ежедневно грузили на автомашини и вывозили из лагеря. Вскоре эти же машини возвращались обратно в лагерь без людей, а только с одеждой, которую складывали в отдельные помещения. Поэтому находившийся в лагере стало известно, что всех вывозивших на автомашинках возут не на работу, как это сначала пытались обмануть немцы, а на расстрел. Позднее эти предположения подтвердились вновь поступавшими в лагерь лицами, которые заявляли, что всех евреев вывозили из лагеря в "Бабий Яр" и там расстреливали.

ВОПРОС: Сколько, примерно, человек за время Вашего пребывания в лагере было вывезено немцами из лагеря на расстрел?

ОТВЕТ: С 28 сентября по 3 октября 1941 года из лагеря ежедневно вывозили немцы 10-15 грузовых автомашин груженых людьми. За время пребывания в лагере, туда ежедневно прибывали все новые и новые люди партиями по несколько сот человек,

однако, общее количество всех военнопленных к концу дня оставалось почти неизменным, так как столько же и убивало на расстрел.

ВОПРОС: Кого Вы знаете, по фамилиям, по именам, административных в лагере?

ОТВЕТ: По фамилиям и никого из немцев не знаю.

ВОПРОС: Куда Вы попали из лагеря по ул. Короленко?

ОТВЕТ: Из лагеря, в группу 45 человек, из которых я никого не знал, был направлен на ул. Короленко 33, где помещалось гестапо - "ОД". В этом здании я пробил один месяц, все мы работали на разных работах. В этом здании с 5 часов утра до 8-10 часов вечера кормили один раз "баландой". За неисполнение непосильной работы или малейшее нарушение нас избивали немцы палками. Меня, например, однажды избili за то, что я шел на поварской и похитил с земли брошенный окурок от папиросы.

Я лично наблюдал, как гестаповцы, работавшие в здании по ул. Короленко № 33, до полусмерти избивали находившихся у них советских людей, которых им затем из кабинетов переносили в камеры.

Я лично в октябре м-це 1941 года выносил из камер, по приказанию немцев, трупы замученных советских людей, а также, находившихся в полусмертельном состоянии, грузили их на кибитки автомашин и немцы сами куда-то их увозили.

В январе м-це 1942 года я был переведен в еврейский лагерь, находившийся по улице Виситутской № 5. В этом лагере находилось человек 150 евреев. Все мы работали по восстановлению дома № 5 и там ежедневно от голода и болезней умирало 3-6 человек. Трупы умерших зарывались в этом же дворе. В ноябре или декабре м-це 1942 года я был помещен в Сирецкий лагерь, в котором находилось до 2.000 советских людей.

В Сирецком концлагере находились советские люди всех национальностей, преимущественно советско-партийный актив. Условия для пленных в этом лагере были невыносимыми. Пленные работали на разработке леса, на постройке зданий, землянок и др. работах. С 5 часов утра до 5 часов вечера кормили супом из картофеля один раз в день, а спустя 4 месяца начали выдавать по 100 гр. просяного хлеба.

Начальником лагеря был немец РАДОМСКИЙ -sturmbannführer, его помощником был ротенführer РИДЕР. Охрана лагеря осуществлялась немецкими и украинскими полицейскими, фамилий которых я не знаю.

Пленных на работе систематически избивали палками, лопатами, без всяких поводов, за курение, за промедление выполнения непосильной работы.

Надсмотрщики - немцы просто издевательски убивали советских людей. Так, например, находившихся в лагере заставляли лезть на дерево, а других военнопленных принуждали пилить это дерево. Срубленное дерево падало и находившийся на нем человек убивался, а если он только получал увечье, его немцы добивали.

При попытке к бегству кого-либо из лагеря немцы расстреливали из числа находившихся в лагере 25 человек, отобранных по своему усмотрению.

Трупы замученных, умерших варились на территории лагеря и ему, оставшемуся после конки мяса для строев.

18 августа 1943 года из Сирецкого концлагеря немцы ^{дв}двара 100 человек, среди которых были евреи и другие национальности, преимущественно советской-партийный актив и под угрозой концлагеря привели к "Бабыну Яру", находящемуся вблизи г. Киева, между Лукьяновской и Курчатовской.

Вопрос: Что Вы делали находясь в "Бабьем Яру"?

Ответ: Всех нас, находившихся в "Бабьем Яру", закопали в ямы, расстояние между ямами было 50-60 см., позволявшее передвигаться и рыть лопатами землю.

В тот же день нас заставили рыть землю в "Бабьем Яру". После того, как земля была отрыта глубиной 0,5-3 метра, под ней оказались трупы советских людей.

Затем с еврейского кладбища были привезены каменные плиты, на которых мы составляли прямоугольные площадки, примерно, 30x40 мтр., на эти каменные площадки ложились по несколько рядов, на которые налагались металлические сетки, на сетки клали слой дров, на который укладывали вырытые в "Бабьем Яру" трупы.

Трупы укладывались головами наружу в два ряда, затем они покрывались снова слоем дров и производилась поливка костры. С трупов последовательностью трупы накладывались высотой 2-3,5 мтр., а затем поджигались. После того, как все трупы сжигались, закладывалась новая печь, на которую опять накладывали трупы. Для того, чтобы происходило полное сгорание трупов нас заставляли специальными металлическими баграми переворачивать трупы. Остатки несгоревших костей часть из нас специальными трамбовками разбивали на мелкие части, затем просеивали через металлические сита, в которых женщины собирали остатки металлических золотых зубов и другие предметы, как кольца и проч.

Цепел нас заставляли рассекать по яру с тем, чтобы никаких следов от трупов не осталось.

Всего было заложено 35-30 печей, на которых было сожжено таким образом, 2.500-3.000 трупов в каждой.

Самости сжигали трупы советских людей, убитых ими и закопанных в Бабьем Яру и пытались, повлившись, сжечь следы

своих владений.

Нас работавших по сжиганию трупов, как я уже
заявил, все держали под строгим конвоем, закованных
в цепи, конвой состоял исключительно из немцев, при-
чем ^{только} офицерского состава.

Доступ к месту сжигания был строго ограничен. Так,
например, даже тем немцам, которые во время сжигания
вынутых трупов в яру подвозили на автомашинных оленях
трупы, не разрешался въезд непосредственно к месту
сжигания, а трупы выбрасывали в сторону, а затем уже
подносили к печам и сжигали.

Я находился на этой работе по сжиганию трупов в
"Габельн Вру" с 16 августа по 28 сентября 1943 года.
На протяжении этого периода, сначала каждый вторник и
субботу, а затем чаще прибывали машины в день ^с от 5 до
9/. К месту сжигания трупов подвозили специальные
крытые грузовые машины, из которых мы, по приказанию
немцев, извлекали от 50-80 трупов советских граждан -
мужчин, женщин и детей, которые, по внешним признакам,
были не расстреляны, а удушены газами, так как у неко-
торых из этих жертв еще бился пульс. Немцы тех, кто
еще был жив, пристреливали и также сжигали в указанных
печах.

ВОПРОС: Каким образом Вы бежали из лагеря?

ОТВЕТ: В лагере сначала нас было 100 чел., а в начале
сентября количество пленных было увеличено до 321 чел.,
а так как среди нас были частые случаи смертности от
болезней, количество пленных затем снова уменьшилось.

Первый побег из лагеря нами, заключенными, гото-
вился в конце августа и-ня 1943 года, но он не удался,
наше намерение произвести побег было кем-то выдано и
охрана лагеря его предотвратила.

Второй побег был осуществлен в ночь с 28 на 29 сентября 1943 года. 28 сентября мы, заключенные, увидели вновь приготовленную печь небольшого размера, которая по видимому, предназначена была для сжигания нас самих, так как к этому времени все трупы были уже сожжены.

Готовясь к побегу, мы разослали ключ от замка, которым открывалась дверь нашей землянки, имели зубило и плоскогубцы для того, чтобы расковать цепи. В ночь на 29 сентября нас, заключенных находилось 180 человек, кроме того 141 человек находился во второй землянке.

Открыв ключом замок, мы через дверь начали разбегаться в разные стороны. Как только наш побег был обнаружен, по выходу из землянки и по всей территории лагеря был открыт интенсивный огонь из автоматов. Автоматчиков было на постах около 8 человек и кажется с 1 пулеметом.

Территория лагеря ярко была освещена осветительными ракетами с постов. Как видно нам, в целях предотвращения возможных побегов, имели заранее разработанные мероприятия к пресечению возможности осуществления такового.

Как мне известно, было из числа всех заключенных человек 18-15, остальные были убиты и ранены на месте.

Протокол с моих слов записан верно, мною прочтен, в чем и расписываюсь.

ОСТРОВСКИЙ.

Допросил: Сотрудник НКГБ СССР
Старший лейтенант Госбезопасности - ПАЛАМАРЧУК.

Собственноручную подпись свидетеля Островского Леонида Кивовича заверяю.

Зам. Начальника Судебн. УНКГБ по Киевской области
Майор Госбезопасности - ЗАВРЕНКО.

28. XI - 43 г.

1. Писев.

Из материалов Чрезвычайной
Государственной Комиссии

Дело 6, листы 3-5.

Киевская область.

ВЕРНО:

Магич